

М.А. Безнин, Т.М. Димони
 Вологодский государственный университет

ПРЕСТУПНОСТЬ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОБЗОР НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00554
 «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке
 (на материалах Европейского Севера)»*

В статье собраны материалы о динамике и видах преступности северного региона в начале XX века (Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний). Приведены примеры преступлений, отражающие специфику времени и господствующих в обществе ценностей.

Преступность, Европейский Север России, обзор тенденций.

В начале XX века изучение причин, динамики, структуры преступности вызвало большой интерес ученых разных направлений. Среди них были праведы, этнографы, социологи и др. Так, П.С. Ефименко на материалах второй половины XIX века рассмотрел народную практику наказаний за преступления в Архангельской губернии [5], А.А. Чарушин проанализировал взгляд народа на преступления в начале XX века [21], П.Н. Зепалов описал особенности преступности в Вологодской губернии начала XX в. [6], В.А. Коптякевич – в Олонецкой губернии [7], автор под псевдонимом «Статистик» – в Архангельской губернии [20]. Исходной задачей, которую ставили исследователи при анализе преступности, было установление связи с экономическими, правовыми факторами, что, по их мнению, и влияло на характер и интенсивность преступности.

Сведения о динамике преступности начала XX века позволяют получить статистические данные, которые стали в этот период времени довольно системно публиковаться. Среди этих публикаций – материалы «Памятных книжек» соответствующих регионов, других обзоров, в том числе специализированных обзоров преступности – «Сводов статистических сведений по делам уголовным», издаваемых Министерством юстиции, «Статистического ежегодника Российской империи», издаваемого Министерством внутренних дел и т.д. Особенностью общеимперской статистики начала XX века было то, что в «сводах» помещались сведения об осужденных только в общих судебных учреждениях, из осужденных же мировыми и судебно-административными установлениями – лишь по делам, влекущим за собой наказание не ниже тюремного заключения. По мнению анонимного автора, писавшего в начале XX столетия под псевдонимом «Статистик», осужденные этой категории составляли очень незначительную часть – около 1/10 общего числа. Он же отмечал, что представить статистику «мелких» преступлений дают возможность отчеты и обзоры губернских статистических комитетов

с данными об осужденных мировыми судьями и окружными судами. Это увеличивало статистику осужденных в 8–9 раз [20, № 8, с. 348].

Одно из наиболее подробных описаний юридических взглядов северных крестьян и их представлений о преступлениях оставил П.С. Ефименко (1835–1908). Находясь в ссылке в Архангельской губернии из-за участия в революционном харьковском кружке, П.С. Ефименко служил в губернском статистическом комитете, сотрудничал с Императорским русским географическим обществом. Все это давало ему возможность собирать фольклорно-этнографические материалы, обобщать их. По всей видимости, большую роль во взглядах самого исследователя играли народные представления. Исследуя народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии, П.С. Ефименко писал, что народ отличался большой нравственностью «отсутствием важных уголовных преступлений: убийств, краж с насилием и истязанием.., и уважением к частной собственности». Этнограф отмечал, что воровство и кража встречались, главным образом, в городах, и конкретно в губернском городе Архангельске. Но если преступления против личности и частной собственности не приветствовались в народной среде, то на казенное имущество северное крестьянство смотрело иначе. П.С. Ефименко отмечал, что не считалась зазорной у архангельских, да и остальных северных крестьян порубка леса. Это мнение обуславливалось глубоким убеждением, что лес не может никому принадлежать, он – «божий» [5].

Довольно близкие к мнению П.С. Ефименко характеристики народному восприятию преступности давал А.А. Чарушин (1856–1922). А.А. Чарушин работал чиновником особых поручений при переселенческом управлении МВД, затем в Департаменте государственных земельных имуществ. По делам службы он неоднократно ездил в северные губернии, оставил ряд любопытных этнографических заметок [21]. В этнографическом очерке 1912 г., посвященном

взгляду архангелогородцев на преступления, А.А. Чарушин подчеркивал большую роль религиозных представлений в понимании преступления, а именно, есть ли в совершенном деянии «грех». Тяжкими грехами в народном представлении считалось убийство, поджог, святотатство, клятвопреступление, «малыми грехами» – мелкие кражи, обман, ложь. За большие грехи, по мнению населения Архангельской губернии, полагалось вечное мучение в аду, малые же грехи, как считалось, легко искупаются. Градация отношения к кражам, как писал А.А. Чарушин, строилась на признании или непризнании того, досталось ли это имущество «собственным трудом».

Опираясь на статистические отчеты начала XX века, приведенные в разных источниках, можно судить, что в глазах государства иерархия и группировка преступлений отличалась от народных представлений и выглядела следующим образом: преступления против веры (богохульство и проч.); государственные преступления (бунт, преступные деяния против императора и членов императорского дома); преступления против порядка управления (неповиновение властям); проступки и преступления по государственной и общественной службе (превышение власти, бездействие и пр.); преступления против доходов казны (например, фальшивомонетничество); преступления против общественного благоустройства и благочиния (нарушения общественного порядка); преступления против закона о состояниях; преступления против здоровья и жизни частных лиц (убийства, самоубийства, нанесения увечий и пр.); преступления против прав «семейственных» (против брака); преступления против собственности (поджог, разбой, кража, мошенничество пр.). Как видно из данного перечня, на первое место по опасности государство ставило преступления против власти (в том числе против идеологии) и порядка управления.

Задачей данной статьи является обзор источников о состоянии преступности в регионах Европейского Севера России, ее статистическая характеристика, а также описание некоторых преступлений, которое позволит отразить специфику времени, господствовавшие нормы и ценности общества. К сожалению, выявленные на сегодняшний день материалы статистических описаний преступности по регионам начала XX века довольно плохо сопоставимы из-за разницы в методике обработки материала, способа представления данных, неравномерно они представлены и по периодам. Однако обобщенные в статье материалы представляются полезными для накопления материала

по изучению криминогенной ситуации в северных регионах России в разные исторические эпохи.

Обратимся к анализу динамики и видов преступности по губерниям Европейского Севера России в начале XX века. Начнем с не самой большой по численности Архангельской губернии (на 1909 г. в ней проживало около 450 тыс. человек) [16, с. 185] (см. табл. 1).

В целом за 5 лет (с 1903 по 1908 гг.) количество зарегистрированных преступлений в Архангельской губернии выросло. Особенно серьезное увеличение произошло в совершении преступлений «против частной собственности». В росте этой части преступности проявлялись серьезные изменения в экономической базе общества, связанные с развитием частного предпринимательства, а также разрушением традиционной крестьянской ментальности, происходившим под влиянием переезда в города, призыва в армию, отходничества. По полному же учету осужденных за преступления (вместе с осужденными мировыми и окружными судами в качестве мировых съездов) в Архангельской губернии было гораздо больше – только за 1905–1909 гг. 17 тыс. человек, из них за преступления против благочиния и благоустройства – 37%, против порядка управления – 17%, против здоровья, чести и свободы частных лиц – 13%, против собственности частных лиц – 14%, имущества и доходов казны – 13%, прочих – 6% [20, № 8, с. 348–349]. Однако основная доля учтенных здесь преступлений относилась к «проступкам» – большая часть осужденных категории «против порядка управления» несла наказание за неисполнение распоряжений полиции, волостного или сельского начальства, оскорбление их словом или действием и т.д.

Приведем ряд описаний наиболее типичных преступлений. В 1900 г. в канцелярию Архангельского губернатора поступили сведения уездного исправника о том, что крестьяне Печерского уезда В. Репин и С. Терентьев напали на односельчанина и «отняли у него 68 руб. и серебряные карманные часы». В том же году в одной из деревень Холмогорского уезда был вскрыт сундук, из которого украли 251 руб., в Печерском уезде у самоедки Варвары Хатанзейской были похищены 3 оленя [4]. Расследовались полицией и несчастные случаи. Так, в Архангельской губернии в 1905 г. студент Казанского ветеринарного института, возвращаясь с охоты по реке Северной Двине, на лодке около пристани «по своей неосторожности выстрелом из заряженного картечью ружья причинил себе в правый бок рану, от которой через час умер» [3].

Таблица 1

ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1903–1908 ГГ.

Годы	Число преступлений	Из них			
		Против порядка управления	Против общественного благоустройства и благочиния	Против жизни, здоровья и чести частных лиц	Против частной собственности
1903	3766	410	1153	815	760
1904	5071	809	1304	1097	1090
1905	4716	510	1481	911	1226
1906	4852	504	1508	941	1250
1907	4487	511	1394	927	876
1908	5983	801	1504	1128	1197

Составлено по: Памятная книжка Архангельской губернии на 1910 год. Архангельск, 1910. С. 180.

Одним из громких дел, имевших большой резонанс, было расследовавшееся в 1912 г. в Архангельске дело о детском приюте А. Кузнецовой. Начал расследовать это дело околоточный Я. Зеленюк по неоднократным сигналам о плохом содержании детей в приюте. А. Кузнецова была арестована. В ходе разбирательства по делу выяснилось, что с 1904 г. А. Кузнецова брала за довольно большую плату на попечение новорожденных внебрачных детей. Содержались эти дети в таких плохих условиях, что большинство умирало. При этом похороны А. Кузнецова устраивала сама, а в метриках причина смерти записывалась с ее слов. Однако в ходе судебного заседания А. Кузнецова была оправдана – слишком многие известные в Архангельске люди были заинтересованы в скорейшем прекращении дела [8].

Большими особенностями обладала динамика преступности в Олонецкой губернии. Эта губерния была одной из самых малонаселенных в России (на

1913 г. – 444,4 тыс. чел. [17, с. 2]), кроме того географически она находилась на довольно большом удалении от центра. Рассмотрим количество преступлений и подсудимых в Олонецкой губернии (по данным Окружного суда и судебной палаты) (см. табл. 2).

Исходя из данных, приведенных современником событий начала XX века В.А. Коптякевичем, мы можем сделать вывод, что число преступлений в Олонецкой губернии в 1907–1911 гг. почти удвоилось по сравнению с 1902–1906 гг. Во столько же раз возросло и количество осужденных за преступления. Большинство преступлений было совершено «против личности». На втором месте по численности были преступления «имущественные», затем по величине шли преступления «против порядка управления» и «государственные». Доля остальных преступлений была относительно невелика.

Таблица 2

ПРЕСТУПНОСТЬ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Название преступлений	Число преступлений		Распределение преступлений (%)		Число подсудимых		Распределение подсудимых (%)	
	1902–1906 гг.	1907–1911 гг.	1902–1906 гг.	1907–1911 гг.	1902–1906 гг.	1907–1911 гг.	1902–1906 гг.	1907–1911 гг.
Против веры	3	47	-	3	3	115	-	6
Государственные	10	162	1	12	26	208	3	10
Против порядка управления	124	150	18	11	157	243	15	12
По службе государственной и общественной	45	106	7	8	54	123	5	6
Против имущества и доходов казны	11	37	2	3	26	90	3	5
Против общественного благоустройства и благочиния	21	36	3	2	65	58	6	3
Против законов о состояниях	5	9	1	1	12	9	1	-
Против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц	268	435	40	31	405	568	40	28
Против прав семейственных	3	12	-	1	1	19	-	1
Против собственности	185	389	28	28	272	579	27	29
Всего	675	1383	100	100	1024	2042	100	100

Источник: Коптякевич В.А. Преступность в Олонецкой губернии за 15-летие. 1897–1911. Петрозаводск, 1914. С. 5.

Особенно большое внимание олонекская полиция уделяла борьбе с хулиганством, которое, по наблюдениям олонекских властей, переживало расцвет. В 1905 г. олонекский губернатор сообщал товарищу министра внутренних дел Российской империи: «Еще в минувшем году мною замечены были случаи уличных драк между петрозаводскими мещанами, в особенности работавшими на Александровском снарядо-делательном заводе, которые возникали, большей частью на почве ревности или ухаживания за молодыми девицами из своего круга. За последнее время драки эти участились и производятся с большим ожесточением, причем при столкновении пускаются в ход ножи и железные палки, сделанные самими же участниками в драках в Александровском заводе тайно от администрации сего завода. Ввиду такого характера драк, доходящего до ножевой расправы и вообще дерзкого обращения скандалистов с мирными горожанами обоего пола, я в целях охранения общественного спокойствия и безопасности признал нужным издать постановление, которое распорядился отпечатать в Губернских Ведомостях и отдельными оттисками для расклейки на видных местах г. Петрозаводска и раздачи по домам тем семьям, где есть молодые люди, замеченные полицией в участии в драках» [15]. Этих мер, однако, явно не хватало. Вскоре после первого письма олонекский губернатор направил второе с размышлениями о мягкости наказаний за хулиганство. «Хотя городской полицией против виновных в драках возбуждено судебное преследование, но дела о них в большинстве случаев прекращались за примирением сторон или неявкой потерпевших на суд. Самой же высшей мерой наказания являлось присуждение к аресту при земском арестном доме на 4 дня или к денежному штрафу в 2 руб... Некоторые лица привлекались к ответственности по несколько раз. Дмитрий Савинов и Николай Сидоров с 1902 г. по настоящее время первый привлекался к ответственности 15, второй 12 раз» [10]. Вопрос о хулиганстве широко обсуждался в печати. Так, о разрушающей деревенское общество силе хулиганства писал автор (педагог по профессии) одной из публикаций в «Вестнике Олонекского земства» из села Андома Вытегорского уезда. Главной бедой он считал то обстоятельство, что «деревенский люд так свyksя, вернее – сроднился с безобразием молодежи, переходящей зимними вечерами из деревни в деревню на посиделки, горланящей гнусные до отвращения песни, с буйством, сквернословием и драками пьяных во время сельских праздников, что на явления эти никто не обращает внимания». Автор замечает далее, что в борьбе с этим злом одна полиция бессильна: урядник не может быть вездесущ, да и сам он нередко делается жертвой хулиганов. Так же мало состоятельны надежды на сельскую интеллигенцию, которая не в силах противостоять влиянию среды. Единственно, кто может переломить ситуацию с хулиганством, это тот самый «сельский люд», когда он осознает свой долг [2, с. 11–12]. Вопрос о хулиганстве оставался острым вплоть до начала Первой мировой войны. В 1913 г. Олонекский губернатор усилил ответственность за хулиганство, издав постановление о штрафе до 500 руб. или аресте до 3 месяцев за хулиганские действия [14].

Особое место в состоянии преступности занимает период 1905–1907 годов, для которого характерны весьма острые аграрные столкновения и выступления в деревне. Кроме того, как отмечает историк М.В. Пулькин, противостояние власти и части населения на Европейском Севере России поддерживалось политическими партиями, среди которых наиболее заметную роль играли социалисты-революционеры [18]. Так, например, в фондах Национального архива Республики Карелия содержатся сведения, поступившие в 1906 г. от уездного исправника Лодейнопольского уезда Олонекской губернии, о том, что в деревне Кургино «Никанор Васильев, недавно возвратившийся из Санкт-Петербурга, стал подговаривать своих односельчан составить приговор и начать косить самовольно луга по реке Ояти, принадлежавшие землевладельцу Чекалеву» [11]. Нередко ссыльные были замешаны и в уголовных преступлениях. Вот одно из описаний преступлений того времени. В 1910 г. содержатель Торос-Озерской станции Калинин отправил своего 14-летнего сына отвезти на лошади, запряженной в кабриолет, в г. Олонец приказчика Ожегова. Вечером лошадь вернулась одна, со сломанным кабриолетом. Розысками полиции в стороне от почтового тракта были найдены убитыми приказчик Ожегов (зарыт в мох) и мальчик Калинин. Убийцами оказались ссыльные, убийство было совершено с целью грабежа [12].

Кражи, как видно из таблицы 2, были одним из самых распространенных видов преступлений в Олонекской губернии. Даже у губернатора этой губернии в 1910 г. была совершена кража серебра, похитителем оказался электромонтер, работавший в доме [9]. Довольно частыми были кражи из церквей. В том же 1910 г., например, была ограблена церковь св. Параскевы, находящаяся в трех верстах от г. Олонца. Замок церкви был вскрыт стамеской и клещами, украдено 40 руб. [13].

Рассмотрим состояние преступности в Вологодской губернии перед Первой мировой войной. Для этого привлечем «Обзор Вологодской губернии за 1913 год», где приводились данные о «числе наиболее выдающихся по количеству преступлений» за 1911–1913 годы.

Как видно из таблицы 3, наибольшее количество совершенных преступлений в Вологодской губернии до 1913 г. попадало под категории «нанесение увечий и ран» и «смертоубийств», однако в 1913 г. на первое место по количеству случаев вышли кражи. Действительно, описанием краж довольно плотно заполнены и архивные фонды, и периодика начала XX века. Например, в 1906 г. в газете «Северная земля» сообщалось о пропаже из квартиры проживающей в Вологде великоустюгской мещанки золотого панцирного браслета стоимостью в 45 руб., о краже из квартиры драпового пальто [19]. В 1908 г. в пивной лавке на Золотушной набережной Вологды было совершено ограбление на 45 руб. деньгами, в том же году потомственный почетный гражданин Василий Баженов, проходя мимо детского приюта «Ясли» на набережной реки Вологды, не удержался и похитил 4 пеленки, общей стоимостью в один рубль [1, с. 236]. Позже полиции приходилось противодействовать и воору-

женным нападениям с целью ограбления. Одно из таких происшествий произошло в селе Устье Кадниковского уезда 12 августа 1909 г. При попытке ограбления конторы «Торгового дома Никуличев с сыновьями» (участвовали пятеро налетчиков) завязалась перестрелка, несколько служащих были ранены. Преступники пытались бежать на лодке, но группа полицейских чинов смогла их догнать и арестовать. Налетчики были ссыльными, принадлежали к крылу партии эсеров (были эсерами-максималистами). Ближе к новому революционному периоду появлялись и общественно-опасные преступления. В декабре 1909 г. и в марте 1910 г. в Вологде произошел ряд актов, имевших террористическую окраску. Были совершены взрывы около Александровского реального училища. Полиции удалось найти виновных, которыми оказались бывшие учащиеся. В апреле 1911 г. в Вологде во время театрального спектакля было совершено покушение на вологодского губернского тюремного инспектора А.В. Ефимова. Покушение совершила Л.И. Руднева, которой удалось бежать за границу [1, с. 228–231].

Интересно сравнить уровень преступности в губерниях Европейского Севера России. Возможности сопоставления дает «Статистический ежегодник России за 1911 г.», где приведено количество осужденных на каждые 100 тыс. населения.

Как видно из таблицы 4, в 1911 г. по количеству осужденных всеми видами судов на 100 тыс. населения Архангельская губерния занимала 22 место, Олонецкая – 25, Вологодская – 35 место среди 73 губерний и областей империи. При среднем для страны показателе 108 осужденных на 100 000 человек, регионы Европейского Севера выглядели как довольно неблагоприятные территории. В следующем, 1912 г. этот показатель в Вологодской губернии составил уже 177 человек на 100 000, в Архангельской губ. – 126, в Олонецкой – 111. Представляется, что речь здесь идет не о всплеске преступности, а о том, что с начала 1912 г. в Вологодской губернии был открыт второй окружной суд – в Великом Устюге, что привело к

перераспределению судебных дел. Именно образование нового судебного округа дало возможность П.Н. Зепалову (1892–1918) исследовать вопрос о состоянии преступности пяти северо-восточных уездов Вологодской губернии за 1912–1915 годы. П.Н. Зепалов, выходец из Великого Устюга, в начале XX века обучался на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Однако в 1911 г. был исключен из университета за участие в студенческих волнениях и сослан. В 1917–1918 г., работая в Великом Устюге комиссаром губернской юстиции, написал ряд материалов, анализирующих преступность и законодательство тех лет. Анализируя данные о количестве преступлений и заведенных в связи с ними судебных дел, П.Н. Зепалов пришел к некоторым интересным выводам. Во-первых, он отметил, что городская преступность была выше сельской, а преступность среди некрестьянского населения, составлявшего всего 4%, была выше, чем среди крестьянского. Особенно это было заметно по категории преступлений против собственности. П.Н. Зепалов объяснял эту тенденцию большим развитием отношений частной собственности в городе, в то время как общинная собственность в деревне менее способствовала выработке собственной психологии. Также он отметил, что более резкое социальное неравенство в городе давало больше поводов для правовых конфликтов на почве собственности. Также П.Н. Зепалов проанализировал гендерный срез преступности и отметил, что преступность гораздо более распространена среди мужского, чем среди женского населения. В то же время автор уловил, что с началом Первой мировой войны и запретом алкоголя усилилось шинкарство, которым занимались большей частью женщины. Распад семьи, рост бедности в городах содействовали росту детской преступности. Тем не менее, П.Н. Зепалов констатировал некоторое общее сокращение преступности в связи с начавшейся войной и объяснил это, во-первых, уходом на фронт массы мужского населения, из которой главным образом выходили преступные элементы, во-вторых, запрещение продажи спиртных напитков [6].

Таблица 3

ЧИСЛО ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1911–1913 ГОДЫ
(по данным Прокуроров Вологодского и Велико-Устюгского Окружных судов)

Вид преступлений	Число преступных случаев		
	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Воровство-кража	179	187	251
Нанесение увечий и ран	220	205	239
Смертоубийство	184	160	202
По службе государственной и общественной	66	74	72
Грабёж	66	42	37
Сопrotивление распоряжениям правительства	21	26	25
Оскорбление присутственных мест и чиновников при отправлении должности	43	56	23
Поджог (зажигательство)	41	16	23
Богохуление и порицание веры	16	18	16
Преступления государственные	19	21	14
Против чести и целомудрия женщин	14	12	14
Нарушение уставов о казенных лесах	21	29	11
Всего разрешено дел по преступлениям	976	957	1001

Источник: Обзор Вологодской губернии за 1913 год. Вологда, 1914. С. 36.

ЧИСЛО ОСУЖДЕННЫХ ПО ГУБЕРНИЯМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1911 Г.

Губерния	Число осужденных на 100 000 населения	Место среди губерний и областей Российской империи по количеству осужденных на 100 тыс. населения
Вологодская	116	35
Архангельская	146	22
Олонецкая	143	25

Составлено по: Сведения по уголовной и тюремной статистике // Статистический ежегодник России, 1914 (год одиннадцатый). Петроград, 1915.

Таким образом, начало XX века стало периодом динамичного нарастания проявлений девиантного поведения населения северных губерний. Основная роль в этом явлении принадлежала населению городов, которое постепенно отходило от норм и устоев традиционного крестьянского общества, ценившего человеческую жизнь и имущество, нажитое личным трудом. Определенное влияние на эту ситуацию оказывала политическая ссылка, становившаяся в первое десятилетие XX века все более массовой. Преступность наиболее стремительно нарастала в период революционных потрясений 1905–1907 гг. и между революциями. В этом процессе огромную роль играли нерешенные экономические проблемы, увеличение социального неравенства, обострение давних политических проблем самодержавия.

Литература

1. История полиции Вологодского края / М. А. Безнин, Р. П. Биланчук, Т. М. Димони [и др.]. – Вологда, 2018. – 864 с.
2. Вестник Олонецкого губернского земства. – 1913. – № 12. – 32 с.
3. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 7. Д. 365. Л. 98 об.
4. ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 363. Л. 85 об., 111.
5. Ефименко, П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии / П. С. Ефименко. – Архангельск, 1869. – 346 с.
6. Зепалов, П. Н. Преступность пяти северо-восточных уездов Вологодской губернии за последние годы (1912–1915) / П. Н. Зепалов // Известия Вологодского общества изучения Северного Края. – 1917. – № 4. – С. 36–47.
7. Коптякевич, В. А. Преступность в Олонецкой губернии за 15-летие. 1897 – 1911 / В. А. Коптякевич. – Петрозаводск, 1914. – 25 с.
8. Лощилов, М. Фабрика ангелов / М. Лощилов // Правда Севера. – 2001. – 6 декабря. – С. 10.
9. Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 110/51. Л. 1.
10. НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 99/55. Л. 6., 6 об.
11. НАРК. Ф. 1. Оп. 5. Д. 14/12. Л. 222.
12. НАРК. Ф. 1. Оп. 5. Д. 37 (2). Л. 78.
13. НАРК. Ф. 1. Оп. 5. Д. 37 (2). Л. 50
14. НАРК. Ф. 1. Оп. 5. Д. 45/26. Л. 1–3.
15. НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 99/55. Л. 3.
16. Памятная книжка Архангельской губернии на 1910 год. – Архангельск, 1910. – 284 с.
17. Памятная книжка Олонецкой губернии. – Петрозаводск, 1914. – 128 с.
18. Пулькин, М. В. Российская преступность в начале XX века (по материалам Олонецкой губернии) / М. В. Пулькин // Политика, государство и право. – 2013. – № 11. – URL: <http://politika.snauka.ru/2013/11/1051> (дата обращения: 20.08.2020).
19. Северная земля. – 1906. – № 8. – 18 января.
20. Статистик. Преступления и преступность в Архангельской губернии / Статистик // Известия Архангельского общества изучения Северного края. – 1912. – № 8. – С. 347–353 ; № 9. – С. 385–392.
21. Чарушин, А. А. Взгляд народа на преступление / А. А. Чарушин // Известия Архангельского общества исследований Русского Севера. – 1912. – № 7. – С. 316–321.

М.А. Beznin, Т.М. Dimoni

CRIME IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY: AN OVERVIEW OF SOME TRENDS

The article contains materials on the dynamics and types of crime in the Northern region in the early 20th century (Arkhangelsk, Vologda and Olonets provinces). Examples of crimes that reflect the specifics of the time and the prevailing values in society are given.

Crime, European North of Russia, review of trends.